

СОСУДЫ – «ПОЧТОВЫЕ ЯЩИКИ» В ОБРЯДАХ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ

Рассматриваются погребения срубной культуры, где внутри сосудов находились различные предметы: костяные трубки, астрагалы мелких копытных, остатки деревянных чаш с металлическими накладками, бронзовые украшения, зубы животных, путовые кости лошади, раковины моллюсков, кремневый нуклеус, костяной наконечник стрелы, фрагменты флейты, кусочки медной руды и др. Автор учел 32 таких погребения. Данные комплексы встречаются почти по всей территории срубной культурно-исторической общности от Южного Урала на востоке до Степного Поднепровья на западе. Помещенные в сосудах вещи могли встречаться в погребениях лиц обоих полов, разного возраста и ранга. Более трети этих людей при жизни являлись служителями культа. Проанализировав комплексы, в состав которых входили сосуды с положенными в них вещами, автор выдвинул предположение, что в данном случае мы сталкиваемся с проявлениями так называемого «предметного письма». Сосуды выступали в качестве «почтовых ящиков» для общения с представителями высших сил. Помещенные в них предметы призваны были уточнить, какие блага люди хотят получить от богов, предков и пр.

Ключевые слова: поздний бронзовый век, срубная культура, погребения, поселения, жертвоприношения, семантика.

DOI: 10.14258/tpai(2016)1(13).-05

В погребениях срубной культуры, как правило, присутствуют керамические сосуды. В контексте погребального обряда они чаще всего являлись емкостями для напутственной пищи, которая помещалась в могилы, чтобы облегчить умершим переправу в потусторонний мир. Такая трактовка посуды из срубных захоронений подтверждается, в частности, результатами химико-аналитических исследований. Они свидетельствуют, что в большинстве сосудов на момент похорон находились пища растительного происхождения, мясо-молочные продукты, вода, а иногда и наркотические вещества [Демкин и др., 1992, с. 47–48; Демкин, 1999, табл. 1; Михайлов, Васильев, 2003, с. 178–179; Борисов и др., 2006, с. 377]. Нередко сосуды выступали и в качестве урн для останков кремированных покойников [Отрощенко и др., 1977, с. 24; Березанская, Гершкович, 1983, с. 107; Буйнов, Михеев, 1989, с. 92; Супруненко, 1991, с. 43; Халыпин, 1998, с. 58, 59, 64]. Наконец, порой в сосудах из погребений срубной культуры обнаруживаются предметы, не являющиеся ни следами пищи, ни останками умерших. Рассмотрению этих комплексов и посвящена предлагаемая работа. Их нами учтено 32.

Чаще всего в сосудах оказывались **костяные трубки** (восемь комплексов). В частности, в сосуде из Никольского-III, 1/5 (Астраханская обл., РФ) находилась трубка длиной 9,5 см [Дворниченко, Федорова-Давыдова, 1989, с. 97–98]. В сосуде из Линево, 7/2 (Волгоградская обл., РФ) была трубка длиной 17,4 см [Сергацков и др., 2006, с. 41–42, 44]. В сосуде из Озерков, 21/8 (Ростовская обл., РФ) выявлена трубка из берцовой кости мелкого рогатого скота длиной 14,4 см [Труды..., 1999, с. 17]. Трубка лежала также в сосуде из Сокола, 1/3 (Донецкая обл., Украина). Ее поверхность заполирована. Один конец изделия отломан (сохранившаяся длина – 7,3 см) [Кульбака, Качур, 2002, с. 53–54]. Трубки с отломанными концами были выявлены еще в двух захоронениях (Шахаевская-II, 1/3 (Ростовская обл., РФ) [Федорова-Давыдова, 1983, с. 36]; Орловское, 1/9 (Донецкая обл., Украина) [Забавин, 2010, с. 180]). Уточним, что

сохранившаяся часть трубки из Орловского имела в длину 7,5 см, а в сосуде кроме нее находился **кремневый нуклеус**. Фрагменты трубки были обнаружены в сосуде из погребения-11 кургана №4–8 могильника Гать-II (Ростовская обл., РФ) [Труды..., 1999, с. 6]. В сосуде из Кривой Луки-IV, 1/3 (Астраханская обл., РФ), помимо мелких костей барана, лежала трубчатая кость с обструганным концом [Дворниченко и др., 1977, с. 44–45]. Возможно, и в этом случае мы имеем дело с трубкой.

На втором месте по частоте встречаемости стоят **астрагалы (таранные кости) мелких копытных** (пять погребений). При этом в сосуде из Спасского-I, 2/2 (Челябинская обл., РФ) находились 35 астрагалов и **костяной наконечник стрелы** [Стоколос, 1972, с. 162]. В сосуде из Ступок, 5/3 (Донецкая обл., Украина) выявлены два астрагала [Городцов, 1907, с. 320]. По одному астрагалу помещалось в сосудах из Новоселок, 1/3 (Татарстан, РФ) [Иванов, Скарбовенко, 1993, табл.] и Куйбышево, 1/7 (Донецкая обл., Украина) [Моруженко и др., 1988]. Наконец, астрагалы были в сосуде из Ясиноватого-II, 12/13 (Запорожская обл., Украина) [Ляшко и др., 2004, с. 30]. Количество их авторы публикации не уточнили.

В четырех случаях в сосудах обнаружены остатки **деревянных чаш с бронзовыми накладками**. Это имело место в захоронениях из Рясных Могилах, 6/5* [Отрощенко и др., 1977, с. 56–57], Малой Белозерки, разрушенный курган [Отрощенко, 1984, с. 88], 5/3 [Отрощенко, 1984, с. 88], Михайловки, 3/1 [Отрощенко, 1984, с. 87]. Все четыре комплекса исследованы на территории Днепровско-Молочанского междуречья в пределах Запорожской области.

В сосудах из трех погребений лежали **бронзовые украшения**. В частности, в захоронении из Лузановки, 11/20 (Самарская обл., РФ) это был фрагментированный браслет [Васильев, 1977, с. 25], в захоронении из Новопавловки, 2/2 (Самарская обл., РФ) – височная подвеска [Скарбовенко, 1981, с. 9], в погребении из Новолиповки, 27/1 (Саратовская обл., РФ) – фрагмент «серьги» (вероятно, височной подвески. – В.Ц.) [Деревягин, 1973, с. 99].

В трех случаях в сосудах помещались **зубы животных**. Они представлены клыком хищника с отверстием (Новый Урень, Ульяновская обл., РФ [Буров, 1972, с. 200]), резцом нижней челюсти быка (Шевцов-I, 1/7, Ростовская обл., РФ [Потапов, Шеф, 2011, с. 176]), зубами лошади (Рясные Могилах, курган №3, Донецкая обл., Украина [Усачук и др., 2004, с. 34]).

Дважды в сосудах оказывалось по одной **путовой кости (I фаланге) лошади** (Николаевка, 1/13, Башкортостан, РФ [Исмагил и др., 2009, с. 21–22]; Рассвет-I, 1/7, Самарская обл., РФ [Васильева и др., 2011, с. 126–127]).

В двух случаях в сосудах находились **раковины моллюсков**. При этом в захоронении из Акназарово, 2/8 (Башкортостан, РФ) в сосуде оказались 100 раковин брюхоногого прудовика [Обыденнова и др., 1985, с. 44], а в захоронении из Системы-4, 2/5 (Челябинская обл., РФ) – створка раковины с отверстием [Костюков, Алаева, 2004, с. 34, 36].

Помимо перечисленных артефактов, в сосудах обнаруживались также **бронзовая игла** (Хрящевка, 1/4, Самарская обл., РФ [Мерперт, 1954, с. 80]), **фрагменты флейты Пана** в виде шести костяных трубочек (Николаевка, 4/6, Донецкая обл., РФ [Привалова, 1999, с. 90]), **кусочки медной руды** (рудник Чэвонэ Озеро-IV, п. 1, Луганская обл., Украина [Бровендер, 2005, с. 16–17]) и два **бронзовых изделия**, фрагментированных

* В сосуде были также остатки пищи.

до такой степени, что их функциональное назначение определить не удалось (Графская, 15/7, Тамбовская обл., РФ [Моисеев, 1998, с. 49, 51]; Бабенково, 1/27, Херсонская обл., Украина [Щепинский, Черепанова, 1969, с. 89–91]*).

Очевидно, что практика помещения в погребальные сосуды разнообразных предметов спорадически проявлялась почти на всей территории срубной общности от Южного Урала на востоке до Степного Поднепровья на западе. Вместе с тем она не имела значительных масштабов. Нами учтены 8624 срубных погребения, и лишь только в 32 из них (0,4%) выявлены сосуды, где лежали интересующие нас артефакты. Максимальная частота встречаемости захоронений со следами рассматриваемой практики наблюдается в Днепроовско-Молочанском междуречье (1,5% учтенных срубных погребений). Однако в некоторых регионах подобных захоронений нам вообще не известно (Предкавказье, Украинская лесостепь, Орельско-Самарское междуречье, Днепроовское Правобережье, Крым). Все это свидетельствует о том, что вещи клались в погребальные сосуды лишь в каких-то экстраординарных случаях.

Применительно к 29 из рассматриваемых нами захоронений имеются данные о возрасте умерших. При этом девять погребенных являлись детьми и подростками (в том числе 5–7, 6 и 12 лет). Пол одного подростка, вероятно, был женским. Взрослыми были 20 умерших. Среди них четыре женщины (в том числе 18–25 лет и «средних лет»). В семи случаях пол определен как мужской (в том числе мужчины 25–30, 35–45, 40, 45–50 лет и «старик»). Пол еще девяти взрослых не известен. Таким образом, помещение вещей в сосуды могло иметь место во время похорон лиц разного возраста и пола. Однако часть артефактов, оказывавшихся в сосудах, демонстрируют более или менее устойчивую корреляцию с лицами возрастной группы взрослых. В частности, только в захоронениях взрослых (в том числе мужчин 25–30 лет и преклонного возраста) зафиксирован такой «текст», как «деревянная чаша с накладкой в сосуде». То же справедливо и применительно к костяным трубкам. Среди восьми лиц, в могилах которых они находились в сосудах, – семь взрослых (в том числе мужчины 40, 45–50 лет и неопределенного возраста). Возраст восьмого погребенного – 5–7 лет. Со взрослыми коррелировались также медная руда и металлические изделия. Последние лежали в сосудах из девяти захоронений, и при этом восемь умерших являлись взрослыми (в том числе мужчины 25–30 лет и старческого возраста, женщина средних лет и две женщины неопределенного возраста). Только в одном случае отмеченная закономерность оказалась нарушенной: бронзовая височная подвеска выявлена в сосуде из захоронения подростка.

Некоторые из помещавшихся в сосуды предметов, похоже, не коррелировались с определенной возрастной группой. Так, астрагалы лежали в сосудах из погребений двух детей, двух подростков и двух взрослых. Зубы животных обнаружены в сосудах из погребений ребенка (клык хищника), мужчины 35–45 лет (резец быка) и взрослого неопределенного пола (зубы лошади). Путовые кости лошади находились в сосудах из захоронений ребенка 6 лет и женщины 18–25 лет. Сосуд с раковинами прудовика обнаружен в захоронении подростка, а сосуд, где лежала раковина с отверстием, – в разрушенном комплексе, применительно к которому данных о возрасте и поле погребенного

* В.В. Отрошенко [1984, с. 88] предположил, что разложившийся бронзовый предмет, лежавший в сосуде из данного захоронения, являлся остатками накладки от чаши, но, строго говоря, это недоказуемо.

нет (то есть умерший вполне мог являться и взрослым). Сосуд с флейтой Пана стоял в захоронении, где возраст погребенного не определен (судя по параметрам костей, усопший являлся или подростком, или взрослым).

Стоит вкратце остановиться на общественном положении погребенных. В захоронении из Никольского-III, 1/5 присутствовала булава, что маркирует принадлежность умершего к носителям власти [Цимиданов, 2004б, с. 56]. Тринадцать погребенных могут быть трактованы как служители культа. Об этом свидетельствуют разнообразные знаки, присутствовавшие в данных комплексах: деревянные чаши [Цимиданов, 2004б, с. 75–77], сосуды с иррегулярным орнаментом и так называемыми «письменами», или «знаками» [Цимиданов, 2004б, с. 51–52], астрагалы* [Цимиданов, 2004б, с. 56], кремация покойника [Цимиданов, 2004б, с. 59–61]. Восемнадцать оставшихся умерших, на наш взгляд, происходили из статусной группы носителей производственной функции. При этом, однако, некоторые из них явно обладали какими-то качествами, отличавшими их от соплеменников, похороненных в тех же курганах. Так, у погребенного из Лузановки, 11/20 были отчленены стопы. Данный обряд в срубной культуре встречается весьма редко [Горбов, Усачук, 2011, с. 53–54]. Скорее всего, он преследовал цель обезвредить покойника, считавшегося магически опасным [Усачук и др., 2010, с. 196]. Расчленение умершего, вероятно, имело место и в случае с погребением из Орловского, 1/10. Здесь отсутствовали часть таза, позвонки, кости грудной клетки и левой руки [Забавин, 2010, с. 180]. В кургане из Нового Уреня интересующее нас погребение демонстрировало ингумацию на правом боку, тогда как остальные умершие были положены в могилы на левом боку [Буров, 1972, с. 200].

Люди, в захоронениях которых обнаружены сосуды с находившимися внутри них вещами, занимали при жизни различные ранговые позиции (о ранговой градации срубного общества см.: [Цимиданов, 2004б, с. 37–38, 69]). Здесь можно заметить следующее. Ни одно из 13 погребений нашей сводки, происходящих с восточной территории срубной общности (Южный Урал, Среднее и Нижнее Поволжье), не демонстрировало знаков высокого ранга. Ситуация на западной территории (Подонье, Предкавказье и более западные регионы вплоть до бассейна р. Ингул) принципиально иная: из 19 умерших два обладали при жизни высшим рангом, 11 – повышенным, а лишь шесть умерших (около трети) имели низкий ранг.

Сосуды с лежавшими в них артефактами обнаруживаются и в поселенческих культовых комплексах срубной культуры. Так, на поселении Байтерьяковское-III (Татарстан, РФ) в жилище был выявлен сосуд, врытый в пол. В нем находился **развал верхней части другого сосуда** [Бугрова, 1999, с. 199]. Аналогичный комплекс исследован на поселении Янохино (Харьковская обл., Украина). Там в землянке, близ очага, находился сосуд, в котором помещался еще один **сосуд** [Митрофанова, 1960, с. 63]. В ряде случаев в сосудах лежали **кости животных**. Это зафиксировано, например, на поселении Зайчишминское-I (Башкортостан, РФ) [Рафикова, 2003, с. 217]. На поселении Исмагилово (Башкортостан, РФ) в сосуде, помимо костей животных (некоторые из них были обожжены), обнаружены также **угольки** [Морозов, 1985, с. 57]. На поселении Усово Озеро (Донецкая обл., Украина) в сосуде находились кости животных

* В данном случае к статусной группе служителей культа причислялись лишь те из погребенных, в могилах которых, помимо астрагалов, лежавших в сосудах, были и астрагалы, находившиеся вне сосудов.

и **чешуя рыбы** [Березанская, 1990, с. 18]. На поселении Зимогорье (Луганская обл., Украина) в сосуде обнаружены кости животных и **кремневые отщепы** [Пробейголова, Красильников, 2010, с. 345].

Иногда в сосудах оказывались **камни**. Это, в частности, имело место на поселениях Чапаевка-2 (Саратовская обл., РФ)* [Лопатин, 2002, с. 49] и Раздольное (Донецкая обл., Украина) [Горбов, Усачук, 2001, с. 167]. На поселении Широкая Балка II (Донецкая обл., Украина) в сосуде тоже лежал камень, но его дополняли пять **костяных заготовок для проколов** [Горбов, Мимоход, 1999, с. 29]. На том же поселении выявлен и еще один аналогичный комплекс: в придонной части сосуда находились камень, **10 заготовок проколов и клык кабана** [Горбов, Мимоход, 1999, с. 28].

На поселении Мосоловка (Воронежская обл., РФ) в одной из ям постройки №6 обнаружен сосуд, в котором лежал **каменный молот** [Пряхин, 1993, с. 50]. В котловане №34 того же поселения у юго-восточной стенки стоял небольшой сосудик, внутри которого оказалась глиняная **модель молотка** [Пряхин, 1993, с. 48]. Очевидно, здесь мы имеем дело с двумя тождественными «текстами», различающимися тем, что во втором случае вместо орудия использовалось его изображение. Стоит отметить, что подобная практика имела место в обрядах многих народов. Например, древние греки часто жертвовали не настоящее оружие, а его уменьшенные макеты, сделанные из бронзы или глины [Кузьмина, 2011, с. 36, 37].

В сосудах из культовых комплексов срубных поселений оказывались и другие артефакты: **наконечники стрел и их заготовки** (Успенка, Саратовская обл., РФ [Лопатин, 1993, с. 72]), **костяные «спицы» и кусочек охры** (Шелыган-1, Волгоградская обл., РФ [Усачук, Литвиненко, 1999, с. 205]), **костяное орудие** (Катериновка-2, Луганская обл., Украина [Бритюк, Теліженко, 2007, с. 48]), **бронзовая пластинка** (накладка от чаши?) (Мокрая Песковатка, Саратовская обл., РФ [Лопатин, 2006, с. 411; Лопатин, Четвериков, 2006, с. 117]).

В погребальных сосудах, с одной стороны, и сосудах поселенческих культовых комплексов – с другой, выявлены в основном разные предметы. Схождений лишь три, причем третье не бесспорно: 1) костяные наконечники стрел (погребение из Спасского-I и поселение Успенка); 2) кремни (погребение из Орловского и поселение Зимогорье); 3) бронзовые накладки от чаш (погребения из Днепровско-Молочанского междуречья и поселение Мокрая Песковатка). Незначительность числа сходств не должна нас смущать, так как мы имеем дело с разными сферами обрядовой деятельности. Важен сам факт того, что сосуды с помещенными в них вещами включались не только в погребальные, но и в поселенческие обрядовые «тексты».

Применительно к рассматриваемым сосудам с поселений срубной культуры высказано довольно убедительное предположение, что они являлись «емкостными жертвенниками» [Мимоход, 2000, с. 87]. Совершая жертвоприношения, люди могут преследовать весьма разнообразные цели. Основными из них, на наш взгляд, являются следующие:

- а) желание упорядочить мир [Бэшем, 1977, с. 260; Байбурин, 1993, с. 188–189];
- б) стремление вымолить у «адресата» (божества, предка и др.) какие-то милости – изобилие, здоровье, детей, удачу в начинаниях и т.д. [Вяткина, 1968, с. 119; Борозна, 1969, с. 85; Кисляков, 1970, с. 7, 9; Мухиддинов, 1982, с. 77, 79; Миллер, 1992, с. 442];

* Выявленный в сосуде камень носит следы пребывания в огне.

в) намерение поблагодарить «адресата» за дарованные блага [Анохин, 1924; Токарев, 1982, с. 108; Квилинкова, 2015, с. 183];

г) желание обновить убывающую силу божества, которую оно растрчивает, помогая людям [Криничная, 2011, с. 20–21];

д) стремление умиловить «адресата», чтобы избежать неприятностей, опасностей [Анохин, 1924, с. 1–2; Санаров, 1968, с. 34–35; Бойс, 1987, с. 25];

е) намерение добиться прощения за нарушение каких-то религиозных или социальных норм [Златковская, 1978, с. 51; Галданова, 1980, с. 100];

ж) желание накликать неблагополучие на врагов [Косарев, 2010, с. 36].

Добавим, что лица, которые обеспечивали жертвоприношения всем необходимым, нередко преследовали еще и «попутную» цель – повысить свой престиж и приобрести сторонников [Хансен, 2013, с. 289].

Носители срубной культуры, судя по поселенческим комплексам, включавшим кости животных, использовали различные способы принесения жертв.

1. Сожжение (см., например: [Ромашко, 1983, с. 87; Пробейголова, Красильников, 2010, с. 34]). Заметим в данной связи, что передача жертвы «адресату» путем сожжения известна у многих народов – индоариев, древних греков, бурят, китайцев, алгонкинов и др. [Тайлор, 1985, с. 470–471].

2. Помещение в углубленные объекты, в том числе ямы [Горбов, Мимоход, 1999, с. 29; Ромашко, 2007, с. 212], рвы [Ромашко, 1983, с. 85], колодцы [Горбунов, 1989, с. 64–65].

3. Укладывание в каменные цоколи построек [Горбов, Мимоход, 1999, с. 26].

4. Оставление на полах покинутых построек (см., например: [Шаповалов, 1976, с. 155; Горбов, Мимоход, 1999, с. 28]).

Разнообразие локализации остатков жертвоприношений, вероятно, обусловлено тем, что жертвователи преследовали различные цели и взывали к разным «адресатам»*. Применительно к случаям, когда жертвы были сожжены, можно предположить, что данные жертвы предназначались «адресатам» из «верхнего мира», ибо именно туда поднимались дым и запах сжигаемого мяса. Жертвы, закопанные в землю и помещенные в колодцы, скорее всего, направлялись обитателям «нижнего мира» (возможно, предкам). То же правомерно допускать относительно жертв, оставленных на полах покинутых построек, так как последние у многих народов считались обителями привидений, местами, где появляются мертвецы и демоны [Подобед и др., 2015, с. 434–435]. Менее ясна ситуация с жертвами, помещенными во рвы и стенки построек. Но в любом случае данные объекты рассматривались во многих традициях как границы между миром людей и «чужим» миром, нередко враждебным.

Очевидно, носители срубной культуры выбирали для принесения жертв те места, где, как они полагали, возможен контакт с представителями высших сил (по современной терминологии – медиативные локусы). Выше мы уже перечислили те локусы, в которых на срубных поселениях обнаруживались кости принесенных в жертву животных. Теперь стоит отметить, что сосуды из поселенческих комплексов, содержавшие какие-либо предметы, были приурочены к таким же локусам. В частности, на

* Некоторые авторы полагают, что жертвоприношение не всегда имеет «адресата» (см., например: [Дмитриева, 2012, с. 35–37]), но в нашей работе не стоит углубляться в эту крайне дискуссионную проблему.

поселении Широкая Балка-II сосуд с заготовками проколок и камнем выявлен в яме, вырытой в полу постройки [Горбов, Мимоход, 1999, с. 29]. На этом же поселении придонная часть сосуда с заготовками проколок, камнем и клыком кабана также была помещена в яму, причем яма эта находилась в южной части поселения [Горбов, Мимоход, 1999, с. 28], а направление на юг у носителей срубной культуры, похоже, ассоциировалось с потусторонним миром [Цимиданов, 2004а, с. 236–237]. Был вкопан в землю и сосуд с костяным орудием, обнаруженный на поселении Катериновка-2 [Бритюк, Теліженко, 2007, с. 48]. Сосуд с бронзовой пластинкой с поселения Мокрая Песковатка находился возле колодца [Лопатин, Четвериков, 2006, с. 117]. На поселении Зимогорье сосуд с костями животных и кремневыми отщепами выявлен под кладкой цоколя постройки [Пробейголова, Красильников, 2010, с. 345]. Добавим, что на поселении Зайчишминское-I сосуд с костями животных локализовался близ входа в постройку [Рафикова, 2003, с. 217], т.е. вновь на границе миров. Некоторые сосуды с вещами размещались близ очагов [Митрофанова, 1960, с. 63; Березанская, 1990, с. 18; Лопатин, 1993, с. 72; Мимоход, 1996, с. 32], а последние правомерно причислять к медиативным локусам [Подобед и др., 2014, с. 107].

Итак, «срубники» в ходе поселенческих обрядов порой использовали сосуды в качестве своего рода «почтовых ящиков» для отправки «посланий» в иной мир. Очевидно, и сосуды из погребений, в которые клались вещи, призваны были выполнять ту же функцию. Покойники при этом могли выступать в роли посредников, призванных вручить данные «послания» богам или предкам. Подобное использование умерших было весьма распространено в древности. Оно имело место, в частности, у шумеров, индийцев, фракийцев [Антонова, Раевский, 1984, с. 165]. Его отголоском, вероятно, является существовавшая у народов Нового и Новейшего времени (а кое-где сохранившаяся до сих пор) вера в то, что с помощью усопшего можно передать близким, умершим ранее, какие-нибудь вещи. Например, это зафиксировано у хантов и манси [Соколова, 1980, с. 138], хакасов [Бурнаков, 2008, с. 255], украинцев [Боряк, 2012, с. 82].

Но здесь возникает вопрос о семантике вещей, находившихся в сосудах из срубных погребений. На наш взгляд, ключ к ответу на него мы найдем, если вспомним о широко распространенной практике обрядовых действий с предметами, призванными уточнить, что хотят получить люди от божеств. Очень яркая зарисовка на эту тему присутствует в записках французского священника Луайе, который в начале XVIII в. посетил Западную Африку: «Если неграм нужен дождь, они ставят у алтаря пустые кружки. Если они воюют, они бросают сюда мечи и копья, чтобы выпросить себе победу. Если они нуждаются в мясе или в рыбе, они кладут сюда кости. Если им нужен пальмовый сок, они бросают к подножию алтаря маленький нож, которым делаются надрезы в дереве» (цит. по: [Шарль де Брос..., 1973, с. 22]).

Заметим, что действия, семантически тождественные описанным, совершались и за пределами Африки. Например, древние греки жертвовали храмам восковые, глиняные и металлические изображения того, что они просили у богов [Лыганова, 2011, с. 95]. В некоторых регионах России, чтобы вызвать дождь, в колодцы бросали пустые горшки и кувшины [Черная, 2005, с. 124]. В Средние века и более позднее время в странах Европы люди возлагали на алтари и подвешивали к иконам изображения больных органов, надеясь на исцеление [Дурасов, 1977, с. 111–113; Гармаш, Горбова, 1995, с. 27–28; Лыганова, 2011, с. 83, 85, 92–93; Вотуми..., 2012, с. 5, 7]. Украинцы,

начиная возводить стены дома, под будущий «святой угол», а то и под все четыре угла клали монеты или пучки шерсти, чтобы дом был богат*. Перед тем, как поднять матицу, к ней привязывали тулуп. Предполагалось, что поскольку матица – «не голая», то и жизнь в доме будет «не голая», т.е. не бедная [Вихрова, 2013, с. 216, 219]. Таджикские женщины, приходившие на мазары, чтобы вымолить потомство, вешали на кустах и деревьях игрушечные колыбельки, иногда с положенной в них щепочкой, изображавшей младенца [Терлецкий, 2007, с. 119]. Бездетные бурятские семьи с аналогичной целью отправлялись к священной горе Хүүэйн-хада. Там они приносили в жертву духам детскую одежду [Содномпилова, 2009, с. 79]. Манипуляции, подобные упомянутым выше, совершались турками в ходе праздника Хыдыреллез: «Тот, кто хотел в будущем году иметь дом, строил из дерева или бумаги макет дома; тот, кто желал получить больше пашни, рыл землю в саду и клал туда зеленые листья и траву. Девушки, рассчитывавшие выйти замуж, вешали на дерево свадебную фату, а женщины, не имевшие детей, привязывали к ветвям игрушечную колыбельку» [Тенишева, 1991, с. 77]. Люди верили, что святой Хызыр, проходя на рассвете через сады, ниспошлет на все, находящееся там, благодать [Тенишева, 1991, с. 77] и, соответственно, «закодированные» просьбы будут удовлетворены.

Обобщая приведенные факты, правомерно сделать вывод, что описанная практика «намеков» обусловлена общечеловеческими особенностями психики. В подобных случаях мы, по сути, сталкиваемся с отголосками так называемого предметного письма, широко бытовавшего у многих народов до появления собственно письменности. Суть предметного письма заключается в передаче информации с помощью вещей или их изображений [Фридрих, 1979, с. 32–35]. Нелишне отметить, что проявления предметного письма дожили до современности. Так, в различных странах периодически проходят «марши пустых кастрюль». Участники этих акций создают шум, ударяя в пустую посуду, которая символизирует бедность. Или другой пример из этой серии. В начале 2014 г. в центре Киева активисты Майдана водрузили на постамент позолоченный унитаз как символ коррупции и расточительности власть имущих.

Рассматриваемый прием передачи информации вполне мог существовать и у древних народов юга Восточной Европы. Во всяком случае, типичное предметное письмо описывается в излагаемой Геродотом истории о «дарах» в виде птицы, мыши, лягушки и стрел, которые, согласно Геродоту, прислали скифы персидскому царю Дарию [Добльхофер, 1963, с. 29; Фридрих, 1979, с. 34].

Таким образом, есть основания трактовать вещи, помещенные в сосуды, как послания, предназначавшиеся представителям высших сил, уточнявшие, какие блага хотели получить люди. Но у предметного письма имеется существенный недостаток. Оно весьма двусмысленно, т.е. понять его содержание представителю иного общества бывает трудно [Добльхофер, 1963, с. 29]. Тем не менее попытаемся высказать свои соображения по поводу «писем» срубной культуры.

Как отмечено выше, чаще всего в сосудах из погребений оказывались **костяные трубки**. В свое время Л.Л. Галкин [1975], отталкиваясь от этнографических параллелей, предположил, что трубки подобного рода могли использоваться для доения. В.К. Кульбака выдвинул более оригинальную идею: часть трубок применялась при возлиянии сомы [Кульбака, Качур, 2002, с. 6–8]. Проблема функционального назначения

* Был и другой вариант данного обряда: монеты или шерсть клали под углами крыши дома.

рассматриваемых вещей, вероятно, еще долго будет служить предметом дискуссий, тем более, что, как любезно сообщил нам А.Н. Усачук, трасологически обработавший некоторые из данных изделий, имеющиеся на них следы не позволяют однозначно атрибутировать загадочные артефакты. Однако, если все-таки прав Л.Л. Галкин, то помещение приспособлений для доения в погребальные сосуды могло преследовать цель выпросить у божеств (или предков) обилие молока. Напомним в данной связи, что разнообразные молочные продукты широко употреблялись в пищу скотоводами Евразии [Гаврилюк, 1989, с. 37–38].

Астрагалы в обрядности племен срубной культуры являлись, очевидно, полисемантическими. Однако в некоторых контекстах, судя по этнографическим параллелям, они могли ассоциироваться с благополучием [Цимиданов, Чаур, 1997, с. 58–59]. Поэтому не исключено, что, будучи помещенными в сосуды, таранные кости символизировали просьбу об изобилии и богатстве. Возможно, аналогичную символику имели и другие кости животных из сосудов, в том числе **путовые кости лошади, зубы лошади и быка**. По принципу *pars pro toto* они вполне могли символизировать соответствующих животных.

Намеком на желание получить изобилие пищи, вероятно, являлись **деревянные чаши с бронзовыми накладками и глиняные сосуды**, вложенные в сосуды – «почтовые ящики». Дело в том, что деревянная чаша в афганской сказке выступает в качестве источника изобилия [Афганские народные сказки, 1989, с. 6]*. В сказках других индоевропейских народов также фигурируют сосуды, из которых появляются различные материальные блага (см., например: [Чарівна квітка, 1986, с. 137; Персидские народные сказки, 1987, с. 170–171]). Поскольку тот же мотив можно найти и в сказках народов Африки [Волшебная калебаса, 1968, с. 104–105], правомерно предположить, что ассоциация сосудов с изобилием является порождением архетипов.

Благополучие степного населения во многом зависело от вовремя выпадавших дождей. Не исключено, что именно о ниспослании небесной влаги просили носители срубной культуры, помещая в сосуды **раковины моллюсков** – данные предметы у многих народов ассоциировались с водной стихией [Синюк, 1996, с. 309; Цимиданов, 2009, с. 63–64].

Возможно, в ряде срубных «посланий» излагались просьбы о защите от враждебных сил. Такие просьбы могли кодироваться путем помещения в сосуды острых предметов – **иглы, наконечника стрелы, заготовки проколки**. Подобные предметы во многих культурах считались оберегами, отпугивающими как врагов из плоти, так и демонов. Это, в частности, зафиксировано у осетин [Уарзиаты, 1995, с. 39]. Впрочем, что касается наконечника стрелы из Спасского-I, то он мог выступать и в качестве медиатора, призванного связать мир живых и мир мертвых (см.: [Цимиданов, 2007, с. 25–27]).

Кремни из сосудов также могли быть намеком на необходимость обезопасить жертвователей от врагов, поскольку данные вещи, как мы полагаем, выступали в срубной культуре в качестве предметов, способных создать преграду против злых сил [Цимиданов, 1995].

* Уточним, что в интересующей нас сказке не говорится, из какого материала сделана чаша. Но там речь идет о чаше дервиша, а данные сосуды изготавливались из деревянной оболочки кокосовых орехов [Тайжанов, Исмаилов, 1986, с. 122].

Выявленные в сосудах **молот и модель молоточка** (Мосоловское поселение металлургов и кузнецов) и **кусочки медной руды** (рудник Червонэ Озеро-IV), очевидно, попали в данные емкости в результате обрядов, имевших цель обеспечить успешный ход технологических процессов.

Что касается прочих артефактов, лежавших в сосудах срубной культуры, то выяснение их семантики – дело будущего. Пока же стоит подвести итог. Рассмотренные археологические материалы позволяют предполагать, что носители срубной культуры время от времени испытывали необходимость заручиться помощью высших сил. С этой целью они приносили жертвы и отправляли сверхъестественным «адресатам» послания, в которых конкретизировали свои просьбы. Своеобразными «почтовыми ящичками» для данных посланий порой служили керамические сосуды.

Библиографический список

- Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествия по Алтаю 1910–1912 гг. по поручению Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии // Сборник Музея антропологии и этнографии при Российской академии наук. Т. IV, 2. Л. : МАЭ РАН, 1924. 248 с.
- Антонова Е.В., Раевский Д.С. «Богатство» древних захоронений (к вопросу о роли идеологического фактора в формировании облика погребального комплекса) // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. Киев : Наукова думка, 1984. С. 153–169.
- Афганские народные сказки. Баку : Гянджлик, 1989. 192 с.
- Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семиотический анализ восточнославянских обрядов. СПб. : Наука, 1993. 240 с.
- Березанская С.С. Усово Озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце. Киев : Наукова думка, 1990. 150 с.
- Березанская С.С., Гершкович Я.П. Андроновские элементы в срубной культуре на Украине // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Уфа : Изд-во Башкир. ун-та (подготовлено Челябинским ун-том), 1983. С. 100–110.
- Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. М. : Наука, 1987. 304 с.
- Борисов А.В., Демкин В.А., Ганчак Т.В., Ельцов М.В. Исследование содержимого сосудов из курганных захоронений эпохи поздней бронзы могильника Неткачево-I // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 3. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2006. С. 376–387.
- Боровская Н.В. Особенности традиционной донской казачьей свадьбы (по материалам Станицы Луганской) // Традиційно-побутова культура Луганщини кінця ХІХ – початку ХХ століття / Краєзнавчі записки. Вип. VI. Луганськ : Прес-експрес, 2013. С. 377–390.
- Борозна Г.Н. Некоторые черты традиционной свадебной обрядности узбеков-дурменов южных районов Таджикистана и Узбекистана // Советская этнография. 1969. №2. С. 80–86.
- Боряк О. «Там живуть такі, як я...»: сільське кладовище як простір потойбічного життя (за матеріалами польових досліджень Полісся) // Народна творчість та етнологія. 2012. №4. С. 76–88.
- Бритюк О.О., Теліженко С.А. Поселення доби пізньої бронзи Катеринівка-2 в басейні р. Лугані // Археологічні відкриття на сході України в 2007 р. Луганськ : Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2007. С. 46–49.
- Бровендер Ю.М. Картамышский производственный комплекс Донецкого горно-металлургического центра эпохи бронзы (некоторые итоги исследований) // Проблеми гірничої археології (матеріали II Міжнародного Картамиського польового сеінару). Алчевськ : ДонДТУ, 2005. С. 11–23.
- Бугрова Н.А. Разведки в Чистопольском районе Татарстана // Археологические открытия 1997 года. М. : Эдиториал УРСС, 1999. С. 199.
- Буйнов Ю.В., Михеев В.К. Курган срубной культуры у с. Сухая Гомольша на Харьковщине // Вестник Харьковского государственного университета. История. Вып. 23. Харьков : Изд-во Харьк. ун-та, 1989. С. 87–95.

Бурнаков В.А. К вопросу о традиционной поминальной обрядности у хакасов // *Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения*. Вып. 2. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. С. 254–258.

Буров Г.М. Исследования в Ульяновском Поволжье // *Археологические открытия 1971 года*. М. : Наука, 1972. С. 200–201.

Бэшем А. Чудо, которым была Индия. М. : Наука, 1976. 616 с.

Васильев И.Б. Лузановский курганный могильник // *Средневожская археологическая экспедиция. Куйбышев* : Изд-во Куйбыш. пед. ин-та, 1977. С. 5–43.

Васильева И.Н., Салугина Н.П., Кулакова Л.С. Одиночный курган Рассвет I // *Археологические памятники Оренбуржья*. Вып. 9. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2011. С. 118–136.

Віхрова Т.В. Житло та господарчі споруди // *Традиційно-побутова культура Луганщини кінця ХІХ – початку ХХ століття / Краєзнавчі записки*. Вип. VI. Луганськ : Прес-експрес, 2013. С. 203–221.

Волшебная калебаса (Сказки старого Муссы). М. : Советская Россия, 1968. 144 с.

Вотуми у зібранні Дніпропетровського національного історичного музею імені Д.Я. Яворницького : каталог / Укладач Н.О. Степаненко. Дніпропетровськ : Арт-прес, 2012. 39 с.

Вяткина К.В. Культ коня у монгольских народов // *Советская этнография*. 1968. №6. С. 117–122.

Гаврилюк Н.А. Домашнее производство и быт степных скифов. Киев : Наукова думка, 1989. 112 с.

Галданова Г.Р. Культ огня у монголоязычных народов и его отражение в ламаизме // *Советская этнография*. 1980. №3. С. 94–100.

Галкин Л.Л. Одно из древнейших практических приспособлений скотоводов // *Советская археология*. 1975. №3. 186–192.

Гармаш Л.Н., Горбова М.Н. Греческие вотивы в собрании Донецкого областного краеведческого музея // *Летопись Донбасса*. Вып. 3. Донецк : Донецкий обл. краеведческий музей, 1995. С. 26–30.

Горбов В.Н., Мимоход Р.А. Культовые комплексы на поселениях срубной культуры Северо-Восточного Приазовья // *Древности Северо-Восточного Приазовья*. Донецк : Український культурологічний центр, 1999. С. 24–69.

Горбов В.Н., Усачук А.Н. Раннесрубно-многоваликовый горизонт поселения Раздольное в Приазовье // *Археологический альманах*. №10. Донецк : ООО «Лебедь», 2001. С. 155–196.

Горбов В.Н., Усачук А.Н. Курган бронзового века в Северо-Восточном Приазовье // *Археологический альманах*. № 25. Донецк : Донбасс, 2011. С. 46–70.

Горбунов В.С. Поселенческие памятники бронзового века в Лесостепном Приуралье. Куйбышев : Изд-во Куйбыш. пед. ин-та, 1989. 135 с.

Городцов В.А. Дневник археологических исследований в Бахмутском уезде, Екатеринославской губернии, 1903 года // *Труды XIII археологического съезда в Екатеринославе 1905*. Т. I. М. : Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1907. С. 286–365.

Дворниченко В.В., Малиновская Н.В., Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки курганов в урочище Кривая Лука в 1973 г. // *Древности Астраханского края*. М. : Наука, 1977. С. 3–77.

Дворниченко В.В., Федорова-Давыдова В.А. Раскопки курганов в зоне строительства Калмыцко-Астраханской и Никопольской рисовых оросительных систем // *Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья*. М. : Наука, 1989. С. 14–132.

Демкин В.А. Реконструкция содержимого глиняных сосудов из курганных захоронений // *Вопросы археологии Поволжья*. Вып. 1. Самара : Самарский гос. пед. ун-т, 1999. С. 243–248.

Демкин В.А., Лукашов А.В., Ковалевская И.С. Новые аспекты проблемы палеопочвенного изучения памятников археологии // *Российская археология*. 1992. №4. С. 43–49.

Деревягин Ю.В. Памятники эпохи бронзы в Саратовском Заволжье // *Краткие сообщения Института археологии*. 1973. Вып. 134. С. 96–100.

Дмитриева Т.Н. О неоднозначности понятия «жертвоприношения» // *Жертвоприношение в археологии: атрибуция, назначение, цель*. Вып. V. СПб. : МАЭ РАН, 2012. С. 33–42.

Добльхофер Э. Знаки и чудеса. М. : Изд-во восточной литературы, 1963. 388 с.

Дурасов Г.П. Каргопольское «заветное шитье» // *Советская этнография*. 1977. №1. С. 110–113.

Забавин В.О. Погребения срубной культуры длинного кургана у села Орловское (из раскопок В.К. Кульбаки) // Донецкий археологичний збірник. 2009/2010. №13/14. Донецьк : Вид-во ДонНУ, 2010. С. 174–184.

Златковская Т.Д. К проблеме античного наследства у южных славян и восточных романцев // Советская этнография. 1978. №3. С. 47–58.

Иванов А.Ю., Скарбовенко В.А. Могильник эпохи бронзы у д. Новоселки на р. Цильне // Археологические исследования в Поволжье. Самара : Изд-во Самар. ун-та, 1993. С. 78–128.

Исмагил Р., Морозов Ю.А., Чаплыгин М.С. Николаевские курганы («Елена») на реке Стерля в Башкортостане. Уфа : ДизайнПолиграфСервис, 2009. 240 с.

Кисляков Н.А. Вотивные предметы горных таджиков (по коллекциям МАЭ) // Традиционная культура народов Передней и Средней Азии : сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XXVI. Л. : Наука, 1970. С. 5–15.

Косарев М.Ф. Мировоззренческие аспекты традиционной погребальной обрядности (по сибирским материалам) // Краткие сообщения Института археологии. 2010. Вып. 224. С. 33–51.

Костюков В.П., Алаева И.П. Курганы эпохи бронзы у станции Система // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Серия 1 : Исторические науки. 2004. №2. С. 5–56.

Криничная Н.А. Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины и поверья Русского Севера. М. : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011. 632 с.

Кульбака В., Качур В. Давні індоєвропейці України в світлі новітніх археологічних досліджень. Маріуполь : МГІ, 2002. 96 с.

Кузьмина Ю.Н. О критериях идентификации античных святилищ // Российская археология. 2011. №3. С. 33–41.

Лопатин В.А. Поселения // Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1993. С. 66–99. (САИ. Вып. В1-10).

Лопатин В.А. Срубные поселения степного Волго-Уралья. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2002. 135 с.

Лопатин В.А. Песковатское поселение и могильник срубной культуры (к вопросу о «комплексах памятников») // Современные проблемы археологии России. Т. I. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. С. 411–413.

Лопатин В.А., Четвериков С.И. Родовой некрополь Песковатского поселения // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 4. Саратов : Научная книга, 2006. С. 107–131.

Лыганова Л.А. Традиция вотивных подношений у мариупольских греков // Літопис Донбасу. №19. Донецьк : Донбас, 2011. С. 83–99.

Ляшко С.Н., Попандопуло З.Х., Дровосекова О.В. Курганные могильники Днепровского Надпорожья (Ясиноватое, Днепровка, Петро-Михайловка). Запорожье : Дикое Поле, 2004. 178 с.

Мерперт Н.Я. Материалы по археологии Среднего Заволжья // Материалы и исследования по археологии СССР. №42. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1954. С. 39–156.

Мимоход Р.А. Некоторые вопросы семиотической организации пространства жилища срубной культуры по материалам культовых комплексов // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век). Ч. II. Донецк : Изд-во Донец. ун-та, 1996. С. 27–33.

Миллер В. Осетинские этюды. Владикавказ : Северо-Осетинский ин-т гум. исслед., 1992. 716 с.

Мимоход Р.А. Жертвенники на срубных поселениях: вопросы классификации, происхождения и культурной специфики // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. Донецк : Східний видавничий дім, 2000. С. 86–93.

Митрофанова В.И. Янохинское поселение срубной культуры // Краткие сообщения Института археологии Академии наук Украинской ССР. 1960. №9. С. 63–66.

Михайлов Л.Н., Васильев О.А. Ретроспективный анализ содержимого сосудов курганных могильников Самарской области на основе агрохимических методов исследований // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Чебоксары : Чувашский гос. ин-т гум. наук, 2003. С. 177–180.

Моисеев Н.Б. Курганы Окско-Донской равнины. Памятники Тамбовской области. Тамбов : Изд-во Тамбов. ун-та, 1998. 63 с.

Морозов Ю.А. Срубные памятники западных районов Башкирского Приуралья // *Бронзовый век Южного Приуралья*. Уфа : Изд-во Башкир. пед. ин-та, 1985. С. 62–66.

Моруженко А.А., Кравец Д.П., Посредников В.А., Шаповалов Т.А., Евглевский А.В., Литвиненко Р.А. Археологические исследования курганов в Донецкой области // *Научный архив Института археологии НАНУ*. 1988/63.

Мухиддинов И. Обычаи и обряды памирских таджиков, связанные с жилищем. XIX – начало XX в. (Материалы к историко-этнографическому атласу народов Средней Азии и Казахстана) // *Советская этнография*. 1982. №2. С. 76–83.

Обыденнова Г.Т., Рутто Н.Г., Исмагилов Р.Б. Акназаровский курганный могильник срубной культуры // *Бронзовый век Южного Приуралья*. Уфа : Изд-во Башкир. пед. ин-та, 1985. С. 40–53.

Отрошенко В.В. Деревянная посуда в срубных погребениях Поднепровья // *Проблемы археологии Поднепровья*. Днепропетровск : Изд-во Днепропетров. ун-та, 1984. С. 84–96.

Отрошенко В.В., Савовский И.П., Томашевский В.А. Курганный группа Рясные Могилы у с. Балки // *Курганные могильники Рясные Могилы и Носаки*. Киев : Наукова думка, 1977. С. 16–60.

Персидские народные сказки. М. : Наука, 1987. 504 с.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Очаги и кострища на поселениях эпохи бронзы Центральной Азии и Сибири как ритуальные объекты // *Археологияның шыңына шыққан: К.А. Ақышевтың туғанына 90 жыл толуына арналған «Қазақстан территориясындағы ежелгі және ортағасырлық мемлекеттер» атты халықаралық ғылыми конференция материалдарының жинағы*. Алматы : ҚР БҒМ ҒК Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, 2014. С. 101–115.

Подобед В.А., Усачук В.Н., Цимиданов В.В. Бобр в обрядовой практике степных и лесостепных племен Евразии эпохи бронзы // *Ежелгі Торғай – Ұлы дала тесіндегі асыл алқа*. Виктор Николаевич Логвинның 70 жылдық мерейтойына арналған ғылыми мақалалар жинағы. Қостанай ; Алматы : ҚР БҒМ ҒК Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, 2015. С. 431–443.

Потапов В.В., Шеф А.В. Курганы эпохи поздней бронзы в нижнем течении реки Чир // *Донецкий археологический сборник*. №15. Донецк : Вид-во ДонНУ, 2011. С. 171–183.

Привалова О.Я. Срубные погребения Николаевского могильника в бассейне Кальмиуса // *Древности Северо-Восточного Приазовья*. Донецк : Український культурологічний центр, 1999. С. 88–97.

Пробейголова А.С., Красильников К.И. Раскопки поселения поздней бронзы возле г. Зимогорье на р. Лугань // *Археологічні дослідження в Україні*. Київ; Луцьк : ІА НАНУ, 2010. С. 343–345.

Пряхин А.Д. Мосоловское поселение эпохи поздней бронзы. Кн. 1. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1993. 108 с.

Рафикова Р.З. К вопросу о месте жилища в системе идеологических представлений носителей срубной культуры // *Международное (XVI Уральское) археологическое совещание*. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2003. С. 216–217.

Ромашко В.А. Святилища и жертвенники на поселениях срубной культуры Украины // *Проблемы археологии Поднепровья*. Днепропетровск : Изд-во Днепропетров. ун-та, 1993. С. 79–91.

Ромашко В.А. Результаты исследования поселения позднего бронзового века в окрестностях местонахождения Лобойковского клада // *Матеріали та дослідження з археології Східної України*. №7. Луганськ : Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2007. С. 209–216.

Санаров В.И. Элементы древних верований в религии цыган // *Советская этнография*. 1968. №1. С. 32–45.

Сергачков И.В., Скрипкин А.С., Клепиков В.М., Дьяченко А.Н. Курганы у поселка Линево // *Материалы по археологии Волго-Донских степей*. Вып. 3. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2006. С. 37–80.

Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж : Изд-во Воронеж. пед. ун-та, 1996. 350 с.

Скарбовенко В.А. Погребения эпохи бронзы Новопавловского курганного могильника // *Древние и средневековые культуры Поволжья*. Куйбышев : Изд-во Куйбыш. ун-та, 1981. С. 5–26.

Содномпилова М.М. Путь в иной мир в мифоритуальной традиции монгольских народов // *Сибирский сборник – 1: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий*. Кн. I. СПб. : МАЭ РАН, 2009. С. 73–80.

- Соколова З.П. Ханты и манси // Семейная обрядность народов Сибири. Опыт сравнительного изучения. М. : Наука, 1980. С. 125–143.
- Стоколос В.С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья (хронология и периодизация). М. : Наука, 1972. 168 с.
- Супруненко А.Б. Материалы срубной культуры в исследованиях И.А. Зарецкого // 100-річчя Полтавського краєзнавчого музею. Ч. II. Полтава : Полтавський краєзн. музей, 1991. С. 43–45.
- Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М. : Политиздат, 1989. 573 с.
- Тенишева А.Э. Празднование Невруза и Хыдыреллеза в Турции (конец XIX – середина XX в.) // Советская этнография. 1991. №6. С. 71–80.
- Терлецкий Н.С. К вопросу о роли лоскутов ткани (латта-банд) на мазарах Центральной Азии // Лавровский сборник: Материалы Среднеазиатско-Кавказских исследований. Этнология, история, археология, культурология. 2006–2007. СПб. : МАЭ РАН, 2007. С. 118–122.
- Токарев С.А. О культе гор и его месте в истории религии // Советская этнография. 1982. №3. С. 107–113.
- Труды Новочеркасской археологической экспедиции / сост. И.Н. Парусимов. Вып. 4. Азов : Новочеркасская археологическая экспедиция, 1999. 85 с.
- Уарзиаты В. Праздничный мир осетин. Владикавказ : Северо-Осетинский ин-т гум. исследований, 1995. 233 с.
- Усачук А.Н., Литвиненко Р.А. Орудия прядения и ткачества в памятниках срубной общности // Текстиль эпохи бронзы Евразийских степей / Труды ГИМ. Вып. 109. М. : ГИМ, 1999. С. 204–216.
- Усачук А.Н., Подобед В.А., Полидович Ю.Б., Цимиданов В.В. Раскопки кургана срубной культуры на территории аэропорта города Донецка // Донецький археологічний збірник. 2009/2010. №13/14. Донецьк : Вид-во ДонНУ, 2010. С. 185–202.
- Усачук А.Н., Полидович Ю.Б., Колесник А.В. Курганы Донбасса в народном восприятии и научной практике (до начала XX века): мифы и реальность // Археологический альманах. №14. Донецк : ООО «Лебедь», 2003. С. 13–55.
- Федорова-Давыдова Э.А. Раскопки курганной группы Шахаевская-II на р. Маныче // Древности Дона. М. : Наука, 1983. С. 35–87.
- Фридрих И. История письма. М. : Наука, 1979. С. 464.
- Халяпин М.В. Курганы срубной культуры у с. Свердлово // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 2. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 1998. С. 57–86.
- Хансен С. Клады в Европе в эпоху бронзы // Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое – первое тысячелетия до н.э. Каталог выставки СПб. : Чистый лист, 2013. С. 279–289.
- Цимиданов В.В. «Магічна втеча» та деякі категорії поховального інвентаря зрубної культури // Історія релігій в Україні. Ч. 5. Київ; Львів : Музей історії релігії, 1995. С. 486–488.
- Цимиданов В.В. З'єднувальні досипки у курганній архітектурі зрубної культури: проблема семантики // Матеріали та дослідження з археології Східної України. №3. Луганськ : Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2004а. С. 229–248.
- Цимиданов В.В. Социальная структура срубного общества. Донецк : Ин-т археологии НАНУ, 2004б. 204 с.
- Цимиданов В.В. Нартовский эпос осетин и срубная культура: поиск сходжений // Известия СОИГСИ. Вып. 1 (40). Владикавказ : СОИГСИ, 2007. С. 17–36.
- Цимиданов В.В. Погребения с раковинами моллюсков в срубной культуре // Теория и практика археологических исследований. Вып. 5. Барнаул : Азбука, 2009. С. 61–67.
- Цимиданов В.В., Чаур Н.А. Погребения с астрагалами срубной культурно-исторической общности // Древности Подонцовья. Луганск : Осирис, 1997. С. 50–61.
- Чарівна квітка. Українські народні казки з-над Дністра. Ужгород : Карпати, 1986. 304 с.
- Черная М.П. Колодец как культурная реалия: контексты бытия // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий : материалы XIII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 119–125.

Шаповалов Т.А. Поселение срубной культуры у с. Ильичевка на Северском Донце // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев : Наукова думка, 1976. С.150–172.

Шарль де Брос о фетишизме. М. : Мысль, 1973. 208 с.

Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л. : Наука, 1975. 208 с.

Щепинский А.А., Черепанова Е.И. Северное Присивашье в V–I тыс. до н.э. Симферополь : Крым, 1969. 237 с.

V.V. Tsimidanov

VESSELS-“MAILBOXES” IN CEREMONIES OF THE TIMBER-GRAVE CULTURE

The article discusses the Timber-Grave culture burial, with vessels containing various items – bone pipes, astragals small ungulates, remains of wooden bowls with metal plates, bronze adornments, animal teeth, horse pasterns, mollusk shells, flint core, bone arrowheads, fragments of flute, pieces of copper ore etc. The author took into account 32 such burial. These complexes are found almost all over the Timber-grave cultural and historical community from the Southern Urals in the East to the Steppe territory of Dnieper region in the West. The things in the vessels could be found at the burials of people of both sexes, different ages and ranks. More than a third of these people during their life were priests. After analyzing complexes, comprised of vessels with things inside, the author suggested that in this case we deal with the manifestations of the so-called “subject writing”. Vessels acted as “mailboxes” for communication with representatives of the higher forces. The items placed in them, specify what the good people want to obtain from the gods, ancestors, etc.

Key words: Late Bronze Age, Timber-Grave Culture, burials, settlements, sacrifice, semantics.

References

Anokhin A.V. Materialy po shamanstvu u altaytsev, sobrannye vo vremya puteshestviya po Altayu 1910–1912 gg. po porucheniuyu Russkogo Komiteta dlya izucheniya Sredney i Vostochnoy Azii [Materials on shamanism in Altai, collected during a trip to Altai in 1910–1912 on behalf of the Russian Committee for the Study of Central and East Asia]. Sbornik Muzeya antropologii i etnografii pri Rossiyskoy akademii nauk. T. IV, 2 [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences. Vol. IV, 2]. 1924. Leningrad : MAE RAN. 248 p.

Antonova E.V., Raevskiy D.S. “Bogatstvo” drevnikh zakhroneniy (k voprosu o roli ideologicheskogo faktora v formirovaniy oblika pogrebalnogo kompleksa) [“Wealth” of the ancient tombs (to the role of the ideological factor in shaping of the image of the funeral complex)]. Fridrikh Engels i problemy istorii drevnikh obschestv [Friedrich Engels and the problems of the history of ancient societies]. Kiev : Naukova dumka, 1984. Pp. 153–169.

Bayburin A.K. Ritual v traditsionnoy kul'ture. Strukturno-semioticheskiy analiz vostochnoslavnyanskikh obryadov [The ritual in the traditional culture. Structural and semantic analyses of the East Slavic rites]. St. Petersburg : Nauka, 1993. 240 p.

Berezanskaya S.S. Usovo Ozero. Poselenie srubnoy kul'tury na Severskom Dontse [Usovo Lake. Settlement of the carcass culture on the Seversky Donets]. Kiev : Naukova dumka, 1990. 150 p.

Berezanskaya S.S., Gershkovich Ya.P. Andronovskie elementy v srubnoy kul'ture na Ukraine [Andronovo elements in the carcass culture in Ukraine]. Bronzovyy vek stepnoy polosy Uralo-Irtyshskogo mezhdurechya [Bronze Age of the steppe zone of the Ural-Irtysh interfluve]. Ufa : Izd-vo Bashkir. un-ta (podgotovleno Chelyabinskim un-tom), 1983. Pp. 100–110.

Beshem A. Chudo, kotorym byla Indiya [The miracle which was India]. Moscow : Nauka, 1976. 616 p.

Borisov A.V., Demkin V.A., Ganchak T.V., Eltsov M.V. Issledovanie sodержimogo sosudov iz kurgannykh zakhroneniy epokhi pozdney bronzy mogil'nika Netkachevo-I [The study of the contents of the vessels from the Late Bronze Age burial Netkachev-I]. Materialy po arkheologii Volgo-Donskikh stepey [Materials on the archaeology of the Volga-Don steppes], 3. Volgograd : Izd-vo VolGU, 2006. Pp. 376–387.

Borovskaya N.V. Osobennosti traditsionnoy donskey kazachey svad'by (po materialam Stanitsy Luganskoy) [Features of the traditional Don Cossack wedding (on the materials of the Luhansk village)]. Traditsiyno-pobutova kul'tura Luganshini kintsya KHIKH – pochatku KHKH stolitnya / Kraeznavchi za-

piski [Traditional culture of Luhansk at the end of the XIX – beginning of the XX century]. Vip. VI. Lugansk : Pres-ekspres, 2013. Pp. 377–390.

Borozna G.N. Nekotorye cherty traditsionnoy svadebnoy obryadnosti uzbekov-durmenov yuzhnykh rayonov Tadzhikestana i Uzbekistana [Some of the features of the traditional wedding rites of Uzbeks-Durmen from the southern regions of Tajikistan and Uzbekistan]. Sovetskaya etnografiya [Soviet ethnography], 1969. Pp. 80–86.

Boryak O. “Tam zhivut taki, yak ya...”: silske kladovische yak prostir potoybichnogo zhittya (za materialami polovikh doslidzhen Polissya). Narodna tvorchist ta etnologiya [Folklore and ethnography], 4, 2012. Pp. 76–88.

Boys M. Zoroastriytsy. Verovaniya i obychai [Zoroastrians. Beliefs and practices]. Moscow : Nauka, 1987. 304 p.

Brityuk O.O., Telizhenko S.A. Poselennya dobi piznoï bronzi Katerinivka-2 v baseyni r. Lugani [The late Bronzr settlement Katerinivka-2 in the luhansk basin]. Arkheologichni vidkryttya na skhodi Ukraïni v 2007. Lugansk : Vid-vo SNU im. V. Dalya, 2007. Pp. 46–49.

Brovender Yu.M. Kartamyshskiy proizvodstvennyy kompleks Donetskogo gorno-metallurgicheskogo tsentra epokhi bronzy (nekotorye itogi issledovaniy) [Kartamyshsky industrial complex of the Donetsk mining and metallurgical center of the Bronze Age (research results)]. Problemi girnichoi arkheologii (materiali II-go mizhnarodnogo Kartamiskogo polovogo seiinaru) [The problems of archaeology (materials of the international Kartamisk conference)]. Alchevsk : DonDTU, 2005. Pp. 11–23.

Bugrova N.A. Razvedki v Chistopolskom rayone Tatarstana [Exploration in the Chistopol region of Tatarstan]. Arkheologicheskie otkrytiya 1997 goda [Archaeological discoveries in 1997]. Moscow : Editorial URSS, 1999. 199 p.

Burnakov V.A. K voprosu o traditsionnoy pominalnoy obryadnosti u khakasov [On the issue of the traditional memorial ceremonies of the Khakases]. Kultury i narody Severnoy Azii i sopredelnykh territoriy v kontekste mezhdistsiplinarnogo izucheniya [The cultures and peoples of North Asia and neighboring territories in the context of interdisciplinary studies], 2. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 2008. Pp. 254–258.

Burov G.M. Issledovaniya v Ulyanovskom Povolzhe [Research in the Ulyanovsk Volga region]. Arkheologicheskie otkrytiya 1971 goda [Archaeological discoveries in 1971]. Moscow : Nauka, 1972. Pp. 200–201.

Buynov Yu.V., Mikheev V.K. Kurgan srubnoy kultury u s. Sukhaya Gomolsha na Kharkovschine [The mound of the carcass cilture in the Dry Gomolsha village in the Kharkiv region]. Vestnik Kharkovskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya [Bulletin of Kharkov State University. History], 23. Kharkov : Izd-vo Khark. un-ta, 1989. Pp. 87–95.

Charivna kvitka. Ukraïnski narodni kazki z-nad Dnistra. Uzhgorod : Karpati, 1986. 304 p.

Chernaya M.P. Kolodets kak kulturnaya realiya: konteksty bytiya [The well as a cultural reality: the contexts of life]. Problemy istoriko-kulturnogo razvitiya drevnikh i traditsionnykh obschestv Zapadnoy Sibiri i sopredelnykh territoriy : materialy XIII Zapadno-Sibirskoy arkheologo-etnograficheskoy konferentsii [Problems of historical and cultural development of ancient and traditional societies of Western Siberia and adjacent territories : Materials of the XIII West Siberian archaeological and ethnographic conference]. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 2005. Pp. 119–125.

Demkin V.A. Rekonstruktsiya sodержimogo glinyanykh sosudov iz kurgannykh zakhoroneniya [Reconstruction of the contents of clay vessels from burial mounds]. Voprosy arkheologii Povolzh'a [Issues of archaeology of the Volga region], 1. Samara : Samarskiy gos. ped. un-t, 1999. Pp. 243–248.

Demkin V.A., Lukashov A.V., Kovalevskaya I.S. Novye aspekty problemy paleopochvennogo izucheniya pamyatnikov arkheologii [New aspects of the paleosol study of archaeological monuments]. Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology], 4. 1992. Pp. 43–49.

Derevyagin Yu.V. Pamyatniki epokhi bronzy v Saratovskom Zavolzh'e [The monuments of the Bronze Age in the Saratov-Volga region]. Kratkie soobscheniya Instituta arkheologii [Brief reports of the Institute of Archaeology], 134. 1973. Pp. 96–100.

Dmitrieva T.N. O neodnoznachnosti ponyatiya “zhertvoprinosheniya” [About ambiguity of the concept of “sacrifice”]. Zhertvoprinoshenie v arkhaike: atributsiya, naznachenie, tsel [Sacrifice in Archaic: attribution, purpose, goal], 5. St. Petersburg : MAE RAN, 2012. Pp. 33–42.

Doblkhofer E. Znaki i chudesa [Signs and wonders]. Moscow : Izd-vo vostochnoy literatury, 1963. 388 p.

Durasov G.P. Kargopolskoe “zavetnoe shit’e” [Kargopolsk “cherished sewing”]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography], 1, 1977. Pp. 110–113.

Dvornichenko V.V., Fedorova-Davydova V.A. Raskopki kurganov v zone stroitelstva Kalmytsko-Astrakhanskoj i Nikopolskoj risovykh orositelnykh system [Excavations of burial mounds in the area of construction of the Kalmyk-Astrakhan and Nikopol rice irrigation systems]. *Sokrovischa sarmatskikh vzhdey i drevnie goroda Povolzh’ya* [Treasures of Sarmatian chiefs and the ancient cities of the Volga region]. Moscow : Nauka, 1989. Pp. 14–132.

Dvornichenko V.V., Malinovskaya N.V., Fedorov-Davydov G.A. Raskopki kurganov v urochische Krivaya Luka v 1973 g. [Excavations of burial mounds in the tract Krivaya Luka in 1973]. *Drevnosti Astrakhanskogo kraja* [Antiquities of the Astrakhan region]. Moscow : Nauka, 1977. Pp. 3–77.

Fedorova-Davydova E.A. Raskopki kurgannoj grupy Shakhaevskaya-II na r. Manyche [Excavation of barrow group Shahaevskaya-II at the river Manycha]. *Drevnosti Dona* [Antiquities of the Don]. Moscow : Nauka, 1983. Pp. 35–87.

Fridrikh I. *Istoriya pis'ma* [History of writing]. Moscow : Nauka, 1979. 464 p.

Galdanova G.R. Kul't ognia u mongolozazychnykh narodov i ego otrazhenie v lamaizme [The cult of fire in Mongolian peoples and its reflection in Lamaism]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography], 3, 1980. Pp. 94–100.

Galkin L.L. Odno iz drevneyshikh prakticheskikh prispособleniy skotovodov [One of the earliest practical tools of cattlemen]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], 3, 1975. Pp. 186–192.

Garmash L.N., Gorbova M.N. Grecheskie votivy v sobranii Donetskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeja [Greek motifs in the collection of the Donetsk regional museum]. *Letopis Donbassa* [Chronicles of Donbass], 3. Donetsk : Donetskij obl. kraevedcheskij muzej, 1995. Pp. 26–30.

Gavrilyuk N.A. Domashnee proizvodstvo i byt stepnykh skifov [Domestic production and life of the steppe Scythians]. Kiev : Naukova dumka, 1989. 112 p.

Gorbov V.N., Mimokhod R.A. Kul'tovye komplekсы na poseleniyakh srubnoy kultury Severo-Vostochnogo Priazov'a [Religious facilities in the settlements of the carcass culture of the North-Eastern Azov]. *Drevnosti Severo-Vostochnogo Priazov'a* [Antiquities of North-Eastern Azov]. Donetsk : Ukrainskij kulturologichnij tsentr, 1999. Pp. 24–69.

Gorbov V.N., Usachuk A.N. Kurgan bronzovogo veka v Severo-Vostochnom Priazove [The barrow of the Bronze Age in the North-East Sea of Azov]. *Arkheologicheskij almanakh* [Archaeological almanac], 25. Donetsk : Donbass, 2011. Pp. 46–70.

Gorbov V.N., Usachuk A.N. Rannesrubno-mnogovalikovy gorizont poseleniya Razdolnoe v Priazove [Early-framed, multi-tollers horizon of the Razdolnoe settlement in the Azov Sea region]. *Arkheologicheskij almanakh* [Archaeological almanac], 10. Donetsk : OOO “Lebed”, 2001. Pp. 155–196.

Gorbunov V.S. Poselencheskie pamyatniki bronzovogo veka v lesostepnom priural'e [Settlers' monuments of the Bronze Age in the forest-steppe Urals]. Kuybyshev : Izd-vo Kuybysh. ped. in-ta, 1989. 135 p.

Gorodtsov V.A. Dnevnik arkheologicheskikh issledovaniy v Bakhmutskom uezde, Ekaterinoslavskoj gubernii, 1903 goda [The diary of archaeological research in the Bakhmut district of the Ekaterinoslav province, 1903]. *Trudy XIII arkheologicheskogo s'ezda v Ekaterinoslave 1905* [Proceedings of the XIII Archaeological Congress in 1905, Ekaterinoslav], vol. I. Moscow : Tipografiya G. Lissnera i D. Sobko, 1907. Pp. 286–365.

Ismagil R., Morozov Iu.A., Chaplygin M.S. Nikolaevskie kurgany («Elena») na reke Sterlia v Bashkortostane [Nikolaev mounds (“Elena”) on the Sterlya river in Bashkortostan]. Ufa : DizanPoligrafServis, 2009. 240 p.

Ivanov A.Iu., Skarbovenko V.A. Mogil'nik epohi bronzy u d. Novoselki na r. Cilne [The Bronze Age burial ground near the village Novoselki on the Cilnius river]. *Arheologicheskie issledovaniia v Povol'je* [Archaeological research in the Volga region]. Samara : Izd-vo Samar. un-ta, 1993. Pp. 78–128.

Khalyapin M.V. Kurgany srubnoy kultury u s. Sverdlovo [Mounds of the carcass culture near the Sverdlovo village]. *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzhya* [Archaeological monuments of the Orenburg region], 2. Orenburg : Izd-vo OGPU, 1998. Pp. 57–86.

Khansen S. Klady v Evrope v epokhu bronzy [Treasures in Europe in the Bronze Age]. *Bronzovyy vek. Evropa bez granits. Chetvertoe – pervoe tysyacheletiya do n.e. Katalog vystavki* [Bronze Age. Europe without borders. The fourth – the first millennium BC. The exhibition catalog]. St. Petersburg : Chisty list, 2013. Pp. 279–289.

Kisliakov N.A. Votivnye predmety gornyh tadjikov (po kollektsiiam MAE) [Votive objects of the mountainous Tajiks (the collections MAE)]. Tradicionnaya kul'tura narodov Peredney i Sredney Azii: sbornik Muzeia antropologii i etnografii [The traditional culture of the peoples of the Near East and Central Asia: a collection of the Museum of Anthropology and Ethnography], vol. XXVI. L.: Nauka, 1970. Pp. 5–15.

Kosarev M.F. Mirovozzrencheskie aspekty tradicionnoy pogrebal'noy obriadnosti (po sibirskim materialam) [Ideological aspects of traditional funeral rites (on the Siberian materials)]. Kratkie soobsheniia Instituta arheologii [Brief reports of the Institute of Archaeology], 224, 2010. Pp. 33–51.

Kostiukov V.P., Alaeva I.P. Kurgany epohi bronzы u stantsii Sistema [Burial mounds of the Bronze Age at the Sistema station]. Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya 1: Istoricheskie nauki [Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University. Series 1: Historical Sciences], 2004. Pp. 5–56.

Krinichnaya N.A. Krestyanin i prirodnyaya sreda v svete mifologii. Bylichki, byvalschiny i pover'а Russkogo Severa [The farmer and the natural environment in the light of mythology. The tales and the beliefs of the Russian North]. Moscow : Russkiy Fond Sodeystviya Obrazovaniyu i Nauke, 2011. 632 p.

Kulbaka V., Kachur V. Davni indoevropeyski Ukraїni u svitli novitnikh arkheologichnikh doslidzhen. Mariupol : MGI, 2002. 96 p.

Kuz'mina Yu.N. O kriteriyakh identifikatsii antichnykh svyatilish [On the criteria for the identification of ancient sanctuaries]. Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology], 3, 2011. Pp. 33–41.

Lopatin V.A. Peskovatskoe poselenie i mogil'nik srubnoy kul'tury (k voprosu o "komplektakh pamyatnikov") [Peskovatskoe settlement and burial of the carcass culture (to the question of the "sets of monuments")]. Sovremennyye problemy arkheologii Rossii [Modern problems of Russian archaeology], vol. 1. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 2006. Pp. 411–413.

Lopatin V.A. Poseleniya [Settlements]. Pamyatniki srubnoy kul'tury. Volgo-Uralskoe mezhdurech'e [Monuments of the carcass culture. The Volga-Ural interfluvium], V1-10. Saratov : Izd-vo Sarat. un-ta, 1993. Pp. 66–99.

Lopatin V.A. Srubnye poseleniya stepnogo Volgo-Ural'a [Carcass settlement of the steppe in the Volga-Urals region]. Saratov : Izd-vo Sarat. un-ta, 2002. 135 p.

Lopatin V.A., Chetverikov S.I. Rodovoy nekropol' Peskovatskogo poseleniya [Ancestral necropolis of the Peski settlement]. Arkheologiya Vostochno-Evropeyskoy stepi [Archaeology of the East European steppes], 4. Saratov : Nauchnaya kniga, 2006. Pp. 107–131.

Lyashko S.N., Popandopulo Z.Kh., Drovosekova O.V. Kurgannye mogil'niki Dneprovskogo Nadporozh'a (Yasinovatoe, Dneprovka, Petro-Mikhaylovka) [Burial mounds of the Dnieper Podporozh'e (Yasinovata, Dneprovka, Petro-Mikhaylovka)]. Zaporozh'e : Dikoe Pole, 2004. 178 p.

Lyganova L.A. Traditsiya votivnykh podnosheniy u mariupolskikh grekov [The tradition of votive offerings of the Mariupol Greeks]. Litopis Donbasu [Donbas chronicle], 19. Donetsk : Donbas, 2011. Pp. 83–99.

Merpert N.Ya. Materialy po arkheologii Srednego Zavolzhya [Materials on the archaeology of the Middle Zavolzhje]. Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and research on the archaeology of the USSR], 42. Moscow : Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1954. Pp. 39–156.

Mikhaylov L.N., Vasil'ev O.A. Retrospektivnyy analiz sodержimogo sosudov kurgannykh mogil'nikov Samarskoy oblasti na osnove agrokhimicheskikh metodov issledovaniy [Retrospective analysis of the contents of the vessels from the burial mounds of the Samara region on the basis of agro-chemical research methods]. Abashevskaya kulturno-istoricheskaya obschnost': istoki, razvitie, nasledie [Abashevskaya cultural-historical community: origins, development, heritage]. Cheboksary : Chuvashskiy gos. in-t gum. nauk, 2003. Pp. 177–180.

Miller V. Osetinskie etyudy [Ossetian etudes]. Vladikavkaz : Severo-Osetinskiy in-t gum. issled., 1992. 716 p.

Mimokhod R.A. Nekotorye voprosy semioticheskoy organizatsii prostranstva zhilisha srubnoy kul'tury po materialam kul'tovnykh kompleksov [Some questions of semiotic organization of dwelling space in carcass culture based on religious complexes]. Severo-Vostochnoe Priazov'e v sisteme evraziyskikh drevnostey (eneolit – bronzovyy vek) [Northeast Sea of the Azov region in the system of Eurasian Antiquities (Chalcolithic – Bronze Age)], part II. Donetsk : Izd-vo Donets. un-ta, 1996. Pp. 27–33.

Mimokhod R.A. Zhertvenniki na srubnykh poseleniyakh: voprosy klassifikatsii, proiskhozhdeniya i kul'turnoy spetsifiki [Altars on the carcass settlements: classification issues, origin and cultural identity]. Arkheologiya i drevnyaya arkhitektura Levoberezhnoy Ukraїny i smezhnykh territoriy [Archaeology and ancient architecture of Left-Bank Ukraine and adjacent territories]. Donetsk : Skhidnyy vidavnychiy dim, 2000. Pp. 86–93.

Mitrofanova V.I. Yanokhinskoe poselenie srubnoy kul'tury [Anokhin settlement of the carcass culture]. Kratkie soobscheniya Instituta arkheologii Akademii nauk Ukrainской SSR [Brief reports of Institute of Archaeology of the Ukrainian Academy of Sciences], 9, 1960. Pp. 63–66.

Moiseev N.B. Kurgany Oksko-Donskoy ravniny. Pamyatniki Tambovskoy oblasti [Mounds of the Oka-Don plain. Monuments of the Tambov region]. Tambov : Izd-vo Tambov. un-ta, 1998. 63 p.

Morozov Yu.A. Srubnye pamyatniki zapadnykh rayonov Bashkirskogo Priuralya [Carcass monuments of western regions of the Bashkir Urals]. Bronzovyy vek Yuzhnogo Priural'a [Bronze Age of the Southern Urals]. Ufa : Izd-vo Bashkir. ped. in-ta, 1985. Pp. 62–66.

Moruzhenko A.A., Kravets D.P., Posrednikov V.A., Shapovalov T.A., Evglevskiy A.V., Litvinenko R.A. Arkheologicheskie issledovaniya kurganov v Donetskoy oblasti [Archaeological research of burial mounds in the Donetsk region]. Nauchnyy arkhiv Instituta arkheologii NANU [Scientific archive of the Institute of Archaeology of National Academy of Sciences], 63, 1988.

Mukhiddinov I. Obychai i obryady pamirskikh tadjikov, svyazannyye s zhilischem. XIX – nachalo XX v. (Materialy k istoriko-etnograficheskomu atlasu narodov Sredney Azii i Kazakhstana) [Customs and rites of the Pamir Tajiks related to housing. XIX – early XX centuries. (Materials for the Historical and Ethnographic Atlas of the peoples of Central Asia and Kazakhstan)]. Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography], 2, 1982. Pp. 76–83.

Obydenova G.T., Rutto N.G., Ismagilov R.B. Aknazarovskiy kurgannyi mogil'nik srubnoy kul'tury [Aknazarovsky barrow of the carcass culture]. Bronzovyy vek Yuzhnogo Priuralya [Bronze Age of the Southern Urals]. Ufa : Izd-vo Bashkir. ped. in-ta, 1985. Pp. 40–53.

Otroshchenko V.V. Derevyannaya posuda v sрубnykh pogrebeniyakh Podneprov'a [Wooden utensils in carcass burials of the Dnieper region]. Problemy arkheologii Podneprov'a [Problems of archaeology of the Dnieper region]. Dnepropetrovsk : Izd-vo Dnepropetrov. un-ta, 1984. Pp. 84–96.

Otroshchenko V.V., Savovskiy I.P., Tomashevskiy V.A. Kurgannaya gruppa Ryasnye Mogily u s. Balki [The mound group of the Ryasnya Graves near the Balka village]. Kurgannyye mogilniki Ryasnye Mogily i Nosaki [Burial mounds. Ryasnya Graves and Nosaki]. Kiev : Naukova dumka, 1977. Pp. 16–60.

Persidskie narodnye skazki [Persian folk tales]. Moscow : Nauka, 1987 504 p.

Podobed V.A., Usachuk A.N., Tsimidanov V.V. Ochagi i kostrischa na poseleniyakh epokhi bronzy Tsentralnoy Azii i Sibiri kak ritualnye ob'ekty [Homes and hearths in the settlements of Central Asia and Siberia of the Bronze age as ritual objects]. Arkheologiyanyң shuңuna shyqqan: K.A. Aqyshevtyn turanyna 90 zhyly toluyna arnalran «Қазақстан территориясындағы ежелгі және ортасырлық мемлекеттер» аты khalykaralyk rylymi konferentsiya materialdarynyң zhinary. Almaty: ҚР БҒМ ҒК Ә.Кh. Марғылан атындағы Археология институты, 2014. Pp. 101–115.

Podobed V.A., Usachuk V.N., Tsimidanov V.V. Bobr v obryadovoy praktike stepnykh i lesostepnykh plemen Evrazii epokhi bronzy [The Beaver in ritual practice of steppe and forest tribes of Eurasia in Bronze Age]. Ezhelgi Torray – Yly dala tesindegi asyl alka. Viktor Nikolaevich Logvinnyң 70 zhyldyk mereytoyyna arnalran rylymi maқalalar zhinary. Қостанay ; Almaty : ҚР БҒМ ҒК Ә.Кh. Марғылан атындағы Археология институты, 2015. Pp. 431–443.

Potapov V.V., Shef A.V. Kurgan epokhi pozdney bronzy v nizhnem techenii reki Chir [Mound of the Late Bronze Age in the lower stream of the river Chir]. Donetskyy arkheologichnyy zbirnik [Donetsk archaeological collection], 15. Donetsk : Vid-vo DonNU, 2011. Pp. 171–183.

Privalova O.Ya. Srubnye pogrebeniya Nikolaevskogo mogil'nika v basseyne Kal'miusa [Carcass burials in the Nikolaevsk mound of the Kalmius basin]. Drevnosti Severo-Vostochnogo Priazov'a [Antiquities of North-Eastern Azov]. Donetsk : Ukraїnskiy kul'turologichnyy tsentr, 1999. Pp. 88–97.

Probeygolova A.S., Krasil'nikov K.I. Raskopki poseleniya pozdney bronzy vozle g. Zimogore na r. Lugan [Excavations near the settlement of the Late Bronze Age near the town Zymohiria on the Lugan river]. Arkheologichni doslidzhennya v Ukraїni [Archaeological achievements of Ukrain]. Kiiv ; Lutsk : IA NANU, 2010. Pp. 343–345.

Pryakhin A.D. Mosolovskoe poselenie epokhi pozdney bronzy. Kn. Pervaya [Mosolovskoe settlement of the Late Bronze Age. Book 1]. Voronezh : Izd-vo Voronezh. un-ta, 1993. 108 p.

Rafikova R.Z. K voprosu o meste zhilischa v sisteme ideologicheskikh predstavleniy nositeley sрубnoy kul'tury [To the question about the place of the home in the system of ideological representations of the carcass culture people]. Mezhdunarodnoe (XVI Uralskoe) arkheologicheskoe soveshanie [International (XVI Ural) archaeological conference]. Perm : Izd-vo Perm. un-ta, 2003. Pp. 216–217.

Romashko V.A. Rezultaty issledovaniya poseleniya pozdnego bronzovogo veka v okrestnostyakh mestonakhozhdeniya Loboykovskogo klada [Results of the study of the late Bronze Age population in the vicinity of the location of the Loboykovsky treasure]. *Materiali ta doslidzhennya z arkeologii Shkhidnoi Ukraïni*, 7. Lugansk : Vid-vo SNU im. V. Dal'ya, 2007. Pp. 209–216.

Romashko V.A. Svyatilischa i zhertvenniki na poseleniyakh srubnoy kul'tury Ukrainy [Sanctuaries and altars in the settlements of the carcass culture of Ukraine]. *Problemy arkeologii Podneprov'ya* [Problems of the Dnieper region archeology]. Dnepropetrovsk : Izd-vo Dnepropetrov. un-ta, 1993. Pp. 79–91.

Sanarov V.I. Elementy drevnikh verovaniy v religii tsygan [Elements of ancient beliefs in the religion of the gypsy people]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1, 1968. Pp. 32–45.

Sergatskov I.V., Skripkin A.S., Klepikov V.M., D'yachenko A.N. Kurgany u poselka Linevo [The mounds near the Linevo village]. *Materialy po arkeologii Volgo-Donskikh stepy* [Materials on the archaeology of the Volga-Don steppes], 3. Volgograd : Izd-vo VolGU, 2006. Pp. 37–80.

Shapovalov T.A. Poselenie srubnoy kul'tury u s. Ilichevka na Severskom Dontse [Settlement of the carcass culture near the Ilichevka village on the Seversky Donets]. *Eneolit i bronzovyy vek Ukrainy* [Chalcolithic and Bronze Age in Ukraine]. Kiev : Naukova dumka, 1976. Pp. 150–172.

Sharl de Bros o fetishizme [Charles de Brosses about fetishism]. Moscow : Mysl, 1973. 208 p.

Shchepinskiy A.A., Cherepanova E.I. Severnoe Prisivash'e v V–I tys. do n.e. [North Sivash region in V – I thousand BC]. Simferopol : Krym, 1969. 237 p.

Shilov V.P. Ocherki po istorii drevnikh plemen Nizhnego Povolzh'ya [Essays on the history of the ancient tribes of the Lower Volga region]. Leningrad : Nauka, 1975. 208 p.

Sinyuk A.T. Bronzovyy vek basseyna Dona [The Bronze Age of the Don basin]. Voronezh : Izd-vo Voronezhskogo ped. un-ta, 1996. 350 p.

Skarbovenko V.A. Pogrebeniya epokhi bronzy Novopavlovskogo kurgannogo mogil'nika [The Bronze Age burials of the Novopavlovsk mound]. *Drevnie i srednevekoveye kul'tury Povolzh'ya* [Ancient and medieval culture of the Volga]. Kuybyshev : Izd-vo Kuybyshev. un-ta, 1981. Pp. 5–26.

Sodnompilova M.M. Put' v inoy mir v miforitual'noy traditsii mongol'skikh narodov [The way to another world in myth-ritual traditions of the Mongolian peoples]. *Sibirskiy sbornik – 1: Pogrebalnyy obryad narodov Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Siberian Collection – 1: Burial rites of Siberia and adjacent territories], book 1. St. Petersburg : MAE RAN, 2009. Pp. 73–80.

Sokolova Z.P. Khanty i mansi [Khanty and Mansi]. *Semeynaya obryadnost' narodov Sibiri. Opyt sravnitel'nogo izucheniya* [Family rites of Siberian peoples. The experience of comparative study]. Moscow : Nauka, 1980. Pp. 125–143.

Stokolos V.S. Kul'tura naseleniya bronzovogo veka Yuzhnogo Zaural'a (khronologiya i periodizatsiya) [Culture of the Bronze Age population of the South Urals (chronology and periodization)]. Moscow : Nauka, 1972. 168 p.

Suprunenko A.B. Materialy srubnoy kul'tury v issledovaniyakh I.A. Zaretskogo [Materials of the carcass culture in the research of I.A. Zaretsky]. 100-richchya Poltavskogo kraeznavchogo muzeyu. Part II. Poltava : Poltavskiy kraezn. muzey, 1991. Pp. 43–45.

Taylor E.B. *Pervobytnaya kul'tura* [Primitive Culture]. Moscow : Politizdat, 1989. 573 p.

Tenisheva A.E. Prazdnovanie Nevruza i Khydyrelleza v Turtsii (konets XIX – seredina XX v.) [The celebration of Navruz and Hydyrleza in Turkey (end of XIX – mid XX century)]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 6, 1991. Pp. 71–80.

Terletskiy N.S. K voprosu o roli loskutov tkani (latta-band) na mazarakh Tsentralnoy Azii [The role of patchwork fabric (latte gangs) on mазars in Central Asia]. *Lavrovskiy sbornik: Materialy Sredneaziatsko-Kavkazskikh issledovaniy. Etnologiya, istoriya, arkeologiya, kul'turologiya* [Lavrovskii collection: Proceedings of the Central Asian and Caucasian Studies. Ethnology, history, archaeology, cultural studies]. St. Petersburg : MAE RAN, 2006–2007. Pp. 118–122.

Tokarev S.A. O kul'te gor i ego meste v istorii religii [About the cult of mountains and its place in the history of religion]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 3, 1982. Pp. 107–113.

Trudy Novoчерkasskoy arkeologicheskoy ekspeditsii [The results of the Novoчерkassk archaeological expedition], 4. Parusimov I.D. ed. comp. Azov : Novoчерkasskaya arkeologicheskaya ekspeditsiya, 1999. 85 p.

Tsimidanov V.V. Nartovskiy epos osetin i srubnaya kul'tura: poisk skhozheniy [The nart epic of the Ossetians and carcass culture: search of similarities]. *Izvestiya SOIGSI*, 1 (40). Vladikavkaz : SOIGSI, 2007. Pp. 17–36.

Tsimidanov V.V. Pogrebeniya s rakovinami mollyuskov v srubnoy cul'ture [Burials with shells of shellfish in the carcass culture]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* [Theory and practice of archaeological research], 5. Barnaul : Azbuka, 2009. Pp. 61–67.

Tsimidanov V.V. Sotsial'naya struktura srubnogo obschestva [The social structure of the carcass society]. Donetsk : In-t arkheologii NANU, 2004b. 204 p.

Tsimidanov V.V., Chaur N.A. Pogrebeniya s astragalami srubnoy kulturno-istoricheskoy obschnosti [Burials with astragalus of the carcass culture]. *Drevnosti Podontsovyia* [Antiquities of the Podontsovye]. Lugansk : Osiris, 1997. Pp. 50–61.

Tsimidanov V.V. "Magichna vtecha" ta deyaki kategorii pokhovalnogo inventarya zrubnoi kul'turi. *Istoriya religiy v Ukraini*. Part 5. Kiïv ; Lviv : Muzei istorii religii, 1995. Pp. 486–488.

Tsimidanov V.V. Z'ednuvalni dosipki u kurganniy arkhitekturi zrubnoi kulturi: problema semantiki. *Materiali ta doslidzhennya z arkheologii Skhidnoi Ukraïni*, 3. Lugansk : Vid-vo SNU im. V. Dalya, 2004a. Pp. 229–248.

Uarziaty V. Prazdnichnyy mir osetin [Holiday World of the Ossetians]. Vladikavkaz : Severo-Osetinskiy in-t gum. issledovaniy, 1995. 233 p.

Usachuk A.N., Litvinenko R.A. Orudiya pryadeniya i tkachestva v pamyatnikakh srubnoy obschnosti [Spinning and weaving tools in the monuments of the carcass community]. *Tekstil' epokhi bronzy Evraziyskikh stepey / Trudy GIM* [Textiles of the Bronze Age of the Eurasian Steppe / SHM Proceedings], 109. Moscow : GIM, 1999. Pp. 204–216.

Usachuk A.N., Podobed V.A., Polidovich Yu.B., Tsimidanov V.V. Raskopki kurgana srubnoy kul'tury na territorii aeroporta goroda Donetska [Excavation of the barrow of the carcass culture on the territory of Donetsk airport]. *Donetskiy arkheologichniy zbirnik* [Donetsk archaeological collection], 13/14. Donetsk : Vid-vo DonNU, 2010. Pp. 185–202.

Usachuk A.N., Polidovich Yu.B., Kolesnik A.V. Kurgany Donbassa v narodnom vospriyatii i nauchnoy praktike (do nachala XX veka): mify i realnost [Mounds of Donbass in the national perception and scientific practice (before the start of XX century): Myths and Reality]. *Arkheologicheskii almanakh* [Archaeological Almanac], 14. Donetsk : OOO «Lebed», 2003. Pp. 13–55.

Vasil'ev I.B. Luzanovskiy kurgannyy mogil'nik [Luzanovsky burial mound]. *Srednevolzhskaya arkheologicheskaya ekspeditsiya* [Srednevolzhsk archaeological expedition]. Kuybyshev : Izd-vo Kuybysh. ped. in-ta, 1977. Pp. 5–43.

Vasil'eva I.N., Salugina N.P., Kulakova L.S. Odinochnyy kurgan Rassvet I [Single mound Dawn I]. *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya* [Archaeological sites of the Orenburg region], 9. Orenburg : Izd-vo OGPU, 2011. Pp. 118–136.

Volshebnyaya kalebasa (Skazki starogo Mussy) [Magic Calabash (old Moussas Tales)]. Moscow : Sovetskaya Rossiya, 1968. 144 p.

Votumi u zibranni Dnipropetrovskogo natsional'nogo istorichnogo muzeyu imeni D.Ya. Yavornitskogo: katalog. Ukladach N.O. Stepanenko. Dnipropetrovsk : Art-press, 2012. 39 p.

Vyatkina K.V. Kul't konya u mongol'skikh narodov [The cult of the horse among the Mongolian peoples]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography], 6, 1968. Pp. 117–122.

Vikhrova T.V. Zhitlo ta gospodarchi sporudi. Traditsiyno-pobutova kul'tura Luganshchiny kintsya XIX – pochatku XX stolittya. *Kraeznavchi zapiski*, VI. Lugansk : Pres-ekspres, 2013. Pp. 203–221.

Zabavin V.O. Pogrebeniya srubnoy kul'tury dlinnogo kurgana u sela Orlovskoe (iz raskopok V.K. Kulbaki) [Carcass culture burials of the long barrow near the village of Orel (from the excavations of Kullback V.K.)]. *Donetskiy arkheologichniy zbirnik* [Archaeological collection of Donetsk], 13/14. Donetsk : Vid-vo DonNU, 2010. Pp. 174–184.

Zlatkovskaya T.D. K probleme antichnogo nasledstva u yuzhnykh slavyan i vostochnykh romantsev [On the problem of the ancient heritage in the southern and eastern Slavic and Roman peoples]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography], 3, 1978. Pp. 47–58.